

Ольга Шаталова

(Европейский гуманитарный университет (Вильнюс), Минск)

Не «свои» и не «чужие»:

Евреи в социальном пространстве белорусских крестьян XIX–XX вв.

В 1934–1937 гг. на территории западнорусского Полесья¹ проводились масштабные исследования Научной комиссии по изучению восточных земель. Одной из целей комиссии стала оценка эффективности государственной ассимиляционной политики. Внимание исследователей уделялось роли польской школы в ополячивании местного населения. Оказалось, что полонизация потерпела фиаско, а большинство респондентов предпочло бы изучать в школе не польский язык, а идиш². Ученых удивило лишь то, что подобные пожелания были высказаны белорусскими крестьянами. Что стояло за языковым предпочтением жителей белорусской деревни? И кем был еврей в их социальном пространстве³? Ответы

¹ С 1921 г. по условиям Рижского мирного договора западнорусские земли находились в составе Второй республики в Польше.

² *Obrebski J. Polesie / Redakcja naukowa i wstęp Anna Engelking. Warszawa: Oficyna Naukowa, 2007. S. 355–356.*

³ Вслед за Богданом Яловецким под «социальным пространством» понимается территория, где проживает социальная группа, придающая этой территории ряд смыслов, и/или место, созданное данной социальной группой и полу-

на эти вопросы следует искать в системе взаимоотношений еврейского и белорусского народов в XIX–XX вв.

Пространство взаимной выгоды

Белорусские крестьяне XIX в. жили в замкнутом, почти герметичном социальном пространстве. Этому способствовали объективные (отсутствие денег на перемещения, массовый перевод частновладельческих крестьян с оброка на барщину и т.д.) и субъективные (инертность земледельцев, их страх перед новым опытом и т.д.) причины. Ситуация усугублялась крепостничеством. По мнению Павла Терешковича, белорусы были самым зависимым народом Центральной и Восточной Европы: если в начале XIX в. количество крепостных составляло 57% населения края, то в 1834 г. их число выросло до 64,8%,

чье определение функции и значения (подробнее см.: *Jalowiecki B. Przestrzeń społeczna // Encyklopedia Socjologii / Pod redakcją Władysława Kwaśniewicza i innych. T. III: O–R. Warszawa, 2000. S. 241–244.*)

и эта тенденция сохранялась⁴. В большинстве случаев крестьяне проживали жизнь в одном месте, редко покидая его границы. Говоря словами Винченца Витоса, «если мужчины мало высывали головы за свои заборы и уж очень редко за свою деревню, то женщины преимущественно сидели камнем дома, прикованные к своим обязанностям»⁵. Положение дел стало меняться после реформы 1861 г. Но и в конце XIX в. было не редкостью «встретить пожилого мужика, который в 15 верстах» от своего дома «не знает, куда и как проехать»⁶.

Кроме того, существовавшая система крепостной зависимости исключала возможность прямого взаимодействия между помещиком и его людьми. Первый был рабом своего имения, последние — своего владельца. Для нормального функционирования локальных экономик требовался посредник между деревней и местечком (городом), деревней и поместьем. Таким посредником стал еврей-торговец / еврей-фактор⁷. Оставаясь свободным, он появлялся там и тогда, где и когда результат крестьянского труда и предмет помещичьего владения нужно было превратить в товар или деньги⁸; и только у него получалось найти общий язык с земледельцем и выгодно совершить сделку⁹: «[Еврей] обладают особым искусством скоро порешать дела

⁴ *Терешкович П.* Украинцы и белорусы: сравнительный анализ формирования наций на фоне истории Центрально-Восточной Европы XIX — начала XX в. // *Перекрёстки*. 2004. № 1–2. С. 21–22.

⁵ Цит. по: *Stomma L.* *Antropologia kultury wsi polskiej XIX w.* Warszawa, 1986. S. 65.

⁶ *Гильтебрандт П.* Сборник памятников народного творчества в Северо-Западном Крае. Вильна, 1866. Вып. 1. С. LII.

⁷ Кроме того, в пространстве деревни присутствовали еврей-земледельцы (около 3,3% от общей численности еврейского населения), еврей-арендаторы и еврей-владельцы корчм.

⁸ *Obrebski J.* *Polesie*. S. 81.

⁹ Зависимость от услуг евреев была присуща и местным помещикам. Как писал Е. Котик, «всё, что было надо помещику, он обычно получал через своих евреев, поскольку считал, что еврей — умное создание, что он хитрый и честный (каждый помещик считал, что только его еврейчик — честный, а прочие — мошенники и воры). <...> Еврей делает лучше — так он считал, и без «Мошки» и «Шмулика» не трогался с места» (*Котик Е.* *Мои воспоминания* / Перевод М. Улановской с издания: Berlin: Klal-Verlag, 1922 // http://www.jewniverse.ru/RED/Ulanovskaya_Kotik/Glava_1.htm).

с крестьянами. <...> Попробуйте купить у крестьянина привезенные им на базар или ярмарку произведения — и вы, наверное, не сойдёте с ним в цене; пошлите еврея — и те же самые произведения крестьянин ему уступит за цену, низшую против той, которую вы предлагали. <...> Относительно помещика крестьянин необыкновенно упрям, но он до смешного податлив и доверчив, имея дело с евреем»¹⁰.

Сговорчивость белоруса-земледельца при торге с евреем была объяснима — между ними существовала минимальная социальная дистанция. Часто еврей-торговец был плохо и бедно одет, а потому не вызывал раздражения, мог говорить по-белорусски, снабжал локус полезной информацией: «[Еврей] расскажет вам <...>, кто где живет, с кем знаком, что ест-пьет, на чем спит, какое имеет состояние, сколько делает долгов, куда собирается ехать, как кто одевается, сколько изнашивает сапог или башмаков, откуда получает лишнюю копейку»¹¹. И он представлял для белоруса наименьшую угрозу¹². Симптоматично, что в начале XXI в. Ядвига Станейка — респондентка из окрестностей местечка Желудок — на вопрос: «Чем занимались евреи?» ответила: «Евреи нас не трогали»¹³, а Данута Коленда на вопрос: «А евреи знали о ваших (католических) праздниках?» сказала: «Конечно, знали, но они не возражали»¹⁴.

¹⁰ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния. В 2-х частях. Ч. 2 / Составил подполковник И. Зеленский. СПб., 1864. С. 377.

¹¹ *Штлевский П.* Путешествие по Полесью и белорусскому краю / Предисловие, текстологическая подготовка, примечания и комментарии С.А. Кузнецовой. Минск, 2004. С. 43–44.

¹² В поляках и русских крестьяне видели представителей доминирующих групп, украинцев отождествляли с казаками, в прошлом уничтожавшими белорусские деревни.

¹³ Из интервью с Ядвигой Станейка (1932 г.р.), Виктором Зубелем (1965 г.р.) и Юрием Химаном (1966 г.р.), проведенного О. Гуцовой и О. Шаталовой в д. Заря Коммунизма, относящейся к г.п. Желудок, Шучинского р-на Гродненской обл. 25 июля 2012 г. в рамках школы-экспедиции по эпиграфике и этнографии, организованной Центром Сэфер и Гродненским государственным университетом им. Янки Купалы. Цитируемые далее интервью 2012 г. записаны в ходе данной школы.

¹⁴ Из интервью с Данутой Коленда (1935 г.р.), проведенного О. Гуцовой и О. Шаталовой в г.п. Желудок 25 июля 2012 г.

В еврее (чаще корчмаре или арендаторе) видели безотказного кредитора: «Як бяда, то ідзі да жыда, а як па бядзе, то ідзі да чорту жыдзе». А существовавшее разделение труда — крестьяне кормились работой на земле, евреи — ремеслом и торговлей — считали естественным, определенным природой: «Нядобра як жыд пазнае грунт, а мужык пазнае хунт»¹⁵; поскольку первые рождались сильными и выносливыми, а вторые — физически слабыми: «Рождается ребенок. У мужика рождается, и сразу руками, ногами машет, а еврейский [ребенок] когда родится, только головой крутит»¹⁶.

Осознание взаимной полезности распространилось не только на экономическую, но и духовную сферу. Крестьяне-полешуки верили, что во время Йом-Киппура (Судного дня) из каждого села или местечка черт похищает кого-то из евреев и уносит их на болото. Единственным, кто мог противостоять нечистой силе и предотвратить похищение, был христианин со сретенской свечкой, которого следовало пригласить на праздник¹⁷. И, напротив, для того чтобы отомстить врагу, белорусы жертвовали деньги на еврейскую школу или синагогу, считая, что евреи скорее умолят Бога или проклянут обидчика¹⁸.

Присутствие еврейского населения в социальном пространстве крестьян привело к обогащению белорусского языка словами из идиша: *цэгла, дах, дрот, друк, цыбуля, цвік, каўнер* и т.д.; в свою очередь в идише появились белорусские слова: *тата, мама, баба, ласка, лаці, бульба, вячэра, вавёрка, сажалка, самагон* и т.д.¹⁹ В белорус-

¹⁵ Булгаковский Д. Пинчуки. Этнографический сборник. Песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверия и местный словарь. Собран в Пинском уезде Минской губернии. СПб., 1890. С. 177.

¹⁶ Из интервью с Иосифом Сметюхом (1926 г.р.), проведенного О. Гушевой и О. Шаталовой в г.п. Желудок 23 июля 2012 г.

¹⁷ Белова О. Евреи глазами славян (По материалам традиционной народной культуры) // Вестник Еврейского университета в Москве, 1996. № 3 (13) (<http://jhistory.nfirman.com/lessons9/folklor.htm>).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ідыш-беларускі слоўнік з прыказкамі, прымаўкамі, прыгаворкамі, выслоўямі, фраземамі, параўнаннямі, зычэннямі, вітаньнямі, дражнілкамі-кепікамі, праклёнамі, загадкамі, скарагаворкамі, каламбурамі, цытатамі з жыдоўскіх песен, анекдотаў і літаратурных твораў / Сабраў і пераклаў на беларускую мову А. Астравух. Мінск, 2008. С. 913.

Ядвіга Адамовна Станейка

ских поверьях стали фигурировать ветхозаветные сюжеты и персонажи. Например, перед тем как пить болотную воду, полешуки вспоминали пророка Моисея, считая, что тогда «грязная вода не будет вредна»²⁰.

Тем не менее знание белорусов о еврейской культуре основывалось на повседневных наблюдениях, а потому было мизерным. Они слышали, что евреи соблюдают шаббат: «Ці я жыдоўка — у суботу мачыць?»²¹, но не понимали его смысла; верили, что у евреев нет души (ее место

²⁰ Шендрик Д., Довнар-Запольский М. Распределение населения Верхнего Поднепровья и Белоруссии по территории, его этнографический состав, быт и культура // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В.П. Семенова. М., 1905. Т. 9. С. 167.

²¹ Бессонов П. Белорусские песни, с подробным описанием их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта. М., 1871. С. 37.

Данута Александровна Коленда

занимает «пар»), и поэтому после смерти иудеи не могут попасть в ад / чистилище / рай вместе с христианами²²; слышали, что иудеев хоронят не так, как христиан: «Закон у них такой: вот так глубоко копают и стоя хоронят, и ставят только памятник — камень, ну вот обыкновенный»²³.

Наиболее остро незнание еврейских традиций проявилось в вере крестьян в миф о «кровавом навете». Согласно ему, каждый год для приготовления мацы к празднику Песах евреи используют христианскую кровь, для получения которой прибегают к ритуальному убийству христианина/христианки²⁴. Убежденность в реаль-

ности данной практики была настолько сильна, что сохранилась в памяти крестьян до сегодняшнего дня. Например, респонденты из Желудка вспомнили о «реальном факте» добывания евреями крови для мацы: «Помню, нас пугали, что евреи могли словить ребенка. У них там была большая бочка колющая, и они бросали в эту бочку. <...> Пейстриха Эмильку помнишь? <...> Её же продала мачеха, продала евреям. <...> Помню, что так говорили, что <...> крутят эту бочку, человека туда положат, и крутят, шпильки эти колют. Потому что им нужна была кровь. Они кровь эту рассылали. Раздавали между своими. И, когда пекут мацу, когда кровь принесут, всех наших выгоняют»²⁵.

²² Белова О. Евреи глазами славян...

²³ Из интервью с Иосифом Сметюхом.

²⁴ Подробнее см.: Львов А. Межэтнические отношения: угощение мацей и «кровавый навет» // Штетл, XXI век: Полевые исследования / Сост. В.А. Дымшиц, А.Л. Львов, А.В. Соколова. СПб., 2008. С. 65–82.

²⁵ Из интервью с Данутой Коленда (1935 г.р.), Францем Марчукевичем (1929 г.р.) и Викторией Блюдник (1926 г.р.), проведенного О. Гущевой и О. Шаталовой в г.п. Желудок 25 июля 2012 г.

Длительное сосуществование и взаимная выгода от контактов помогли белорусским земледельцам и евреям сделаться предсказуемыми и понятными друг другу, однако их явные культурные и религиозные различия осложняли процесс дальнейшего сближения.

Пространство выживания

С конца XIX в. отношения между крестьянами и еврейским населением стали меняться. Отмена крепостного права в 1861 г. дала мощный толчок к модернизации сельского хозяйства, позволила снять барьер в контактах между деревней и помещиком, а получение личной свободы стимулировало земледельцев к выходу за границы локуса. Прежняя посредническая функция еврея стала менее востребованной.

Резкое увеличение населения края, произошедшее на рубеже XIX–XX вв., сделало «лишним» (т.е. не имевшим работы) каждого третьего человека в сельской местности²⁶. Тем не менее миграционный поток рос медленно. В 1880-е гг. в белорусских губерниях на 1 000 человек ежегодно востребовалось 48 временных паспортов или отпускных билетов (для сравнения — в среднем по европейской части России этот показатель составлял 69 паспортов в год), в 1890-е гг. цифра выросла до 62 и 83 соответственно²⁷. Одним из обстоятельств, сдерживавших отток крестьян из деревни, стала сильная конкуренция со стороны основных обитателей белорусских городов и местечек — евреев²⁸. Ограниченное чертой оседлости еврейское население не могло селиться в собственно российских городах, а потому занимало вакансии, на которые могли рассчитывать выходцы из белорусской деревни и которые заполнялись русскими земледельцами в городах европейской части России²⁹.

²⁶ Носевич В. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. Минск, 2004. С. 238.

²⁷ Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. У 3-х тамах. Т. 2: Гісторыя сялянства Беларусі ад рэформы 1861 г. да сакавіка 1917 г. / Пад рэд. В. Панюціча. Мінск, 2002. С. 197.

²⁸ Гісторыя Беларусі. Вучэбны дапаможнік. У 2-х частках. Ч. 1 / Пад рэд. Я.К. Новіка, Г.С. Марцуля. Мінск, 1998. С. 267.

²⁹ Носевич В. Традиционная белорусская деревня... С. 238.

Это, безусловно, раздражало потенциальных мигрантов. Тем не менее крестьяне избегали открытых столкновений с евреями, а возникавшие между ними конфликты носили не этнический, а экономический характер. Например, в г. Режица Витебской губ. стычка с евреями произошла из-за нехватки продовольствия, когда рассерженные белорусы решили отпускать хлеб в лавках только земледельцам³⁰. Отсутствие непреодолимого антисемитизма и заинтересованность в сохранении отношений с соседями проявились в отношении деревни к погромам. Белорусы не участвовали в них в 1881–1882 гг., а присоединились позже, в начале XX в.: в 1903 г. в Гомеле, в 1904 г. в Могилёве и в ряде городов в период революции 1905–1907 гг. При этом основная масса крестьян защищала евреев и останавливала погромы (как это произошло в местечке Березино Минской губ.). К осуждению агрессии против еврейского населения призывали и читаемые в деревне газеты. Например, в статье «О евреях», появившейся в мае 1907 г. в белорусской газете «Наша Ніва», говорилось о том, что пропаганда погромов и их осуществление противоречат христианским принципам: «Христос сам учил: не будет ни грека, ни еврея — значит, все люди равны, все люди — братья, хотя они другой веры и национальности»³¹.

Период с 1921 по 1939 г. внес новые коррективы в отношения между евреями и деревней. В это время белорусские земли оказались разделенными между советским государством и Второй республикой в Польше. Колхозная система, создаваемая в советской деревне с 1929 г., сделала бессмысленной роль посредника/скупщика, чем минимизировала контакты белорусского и еврейского населения.

Более традиционной оставалась ситуация во Второй республике в Польше. Еврейское и белорусское население сохранило прежние роли: белорусы работали на земле, евреи занимались ремеслом и торговлей: «Тогда всё еврейское было.

³⁰ Зельцер А. Евреи советской провинции: Витебск и местечки 1917–1941. М., 2006. С. 35.

³¹ Смалянчук А. Літвалкі і беларускія яўрэі: месца ў айчынай гісторыі // Беларусь у XX стагоддзі. 2004. № 3 (<http://www.homoliber.org/ru/xx/xx030120.html>).

Ксендз Ян Рейшель

Они и булочки пекли <...>. Тогда всё можно было брать, покупать у евреев. <...> Швей были всякие, одежда, продукты и колбаса была, булочки и бутерброды — всё покупали. У них были магазины свои»³².

Однако в силу исторических причин евреи оказались в более выгодных, чем белорусы, условиях. В 1915 г. царскими войсками была проведена принудительная эвакуация местных жителей (около 90% православного населения Гродненской губернии, т.е. 1 340 000 человек³³) в центральнорусские и украинские земли. В ходе переезда было потеряно почти все имевшееся у крестьян имущество: большую часть их домов

³² Из интервью с Данутой Коленда (1935 г.р.) и ксендзом Яном Рейшелем (1958 г.р.), проведенного О. Гущевой и О. Шаталовой в г.п. Желудок 23 июля 2012 г.

³³ Данные Олега Латышонка (*Łatyszonek O. Białoruskie formacje wojskowe. 1917–1923. Białystok, 1995. S. 35*).

сожгли казаки; скот, телеги и инвентарь были оставлены на пересылочных станциях³⁴. Возвращаясь домой в 1920-е гг., белорусы находили пустыри и пепелища. Еврейское население, пережившее Первую мировую войну дома, сохранило свою собственность, чем вызывало зависть соседей-крестьян. Как вспоминали Ольга Данилюк и Евгения Хамицкая из д. Орля Подлясского воеводства: «У наших не было такой еды, как у евреев. В нашем доме утром была затирка с молоком, потому что у нас было своё. На обед была картошка с капустой <...>. Мы — дети — ели хлеб, который обмакивали в ведро с водой, а когда был сахар — посыпали сахаром. Сахар, однако, был редко <...>. Фруктов не было, а на улице Бельской жил богатый еврей <...>, у которого был большой сад. Там дети срывали груши, висевшие над дорогой. И один раз сестра Валя получила за это камнем в голову»³⁵. Желудокские евреи стремились сгладить эти различия и отчасти нормализовать отношения с крестьянами, угощая тех из них, кто жил по соседству или помогал по хозяйству: «Угощали, угощали евреи. Евреи любили угощать. Не сказать, что они были совсем плохими, были хорошими»³⁶.

Для многих белорусских земледельцев конец XIX — первая треть XX в. превратились в период выживания в собственном социальном пространстве. Их основным конкурентом в этом становилось еврейское население. Для нейтрализации собственного недовольства белорусы прибегали к бытовому антисемитизму: стремились подшутить над евреями, уколоть и унижить их. В Желудке, например, это делали во время молений иудеев в синагоге либо выполнения ими ритуалов на Суккот (праздник Кушей): «Они осенью делали какие-то кучки. Осенью, понимаешь, делали такие шалашики. <...> Они делают, скажи только: “Помогай Бог!”, всё разбрасает, кучка кончена. Разбросал кучку»³⁷.

³⁴ *Мірановіч Я. Уступ // У новай айчыне. Штодзённае жыццё беларусаў Беластоцчыны ў міжваенны перыяд / Рэд. В. Луба. Беласток, 2000. С. 7.*

³⁵ Цит. по: У новай айчыне. С. 37–38.

³⁶ Из интервью с Данутой Коленда (1935 г.р.).

³⁷ Из интервью с Данутой Коленда (1935 г.р.), Францем Марчукевичем (1929 г.р.) и Викторией Блюдник (1926 г.р.).

Растущая конкуренция в новых условиях повлияла и на взаимоотношения внутри еврейской среды. Как вспоминали респонденты из Желудка, «один еврей по деревням ездил, тряпки туда-сюда [возил]. И он немного дешевле отпускал. <...> Они [еврей] его предупреждали, а они — ни в какую. <...> Приедет любой еврей, а [люди]: нет, к нам такой-то приедет, и всё. Они его предупреждали-предупреждали. Потом он поехал в Шавдень, в Шавденский лес <...>. [Они его там и] убили. Сами еврей убили, на воз положили и коня отпустили. Конь привёз домой. И они эту семью кормили»³⁸.

Экономическое соперничество между белорусским и еврейским населением носило латентный характер и сглаживалось политическим сближением народов на почве их неприятия польского государства. Желудокские жители вспоминают об особых запретах, принятых в отношении евреев во Второй республике в Польше: «[Они] были как бы не защищены. Польское правительство их тоже не любило. Еврей не мог при Польше идти по тротуару. Рызд-Смиглы как стал президентом, запретил евреям ходить вместе с поляками»³⁹. Накануне прихода Красной Армии в сентябре 1939 г. представители обоих народов организовали серию совместных антипольских восстаний, наиболее известным из которых стало выступление в местечке Скидель. Даже после включения западнобелорусских земель в состав БССР белорусско-еврейский «союз» сохранялся, о чем неоднократно сообщалось в сводках НКВД. Например, в документах по Клецельскому району Брестской обл. на 1940 г. говорилось о том, что «и еврей, и белорусы ежедневно вспоминают о тех издевательствах, которым подвергались со стороны поляков»⁴⁰.

Последним историческим эпизодом, навсегда изменившим отношения белорусской деревни с еврейским населением, стала Вторая мировая война. Массовое уничтожение евреев оконча-

³⁸ Там же.

³⁹ Из интервью с Иосифом Сметухом.

⁴⁰ *Розенблат Е.* Еврей в системе межнациональных отношений в западных областях Беларуси. 1939–1941 гг. // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 2000. № 13. С. 90, 95.

Иосиф Иосифович Сметух

тельно перекроило этноландшафт края, привело к исчезновению его знакового элемента: «А евреев расстреливали? — Расстреливали. Деревня была Напраснаўка. Она даже в Хатыни записана, там одни еврей жили. <...> Те, которые были богатые, они знали и сбежали в Москву, а бедные остались. И их тут расстреляли»⁴¹. В более поздней попытке осознать Холокост крестьяне проработали основные стереотипы о соседе, объяснив массовое уничтожение евреев:

1. закономерным наказанием за паразитический образ жизни, зарабатывать денег без создания полезной продукции: «Немцы хотели ис-

⁴¹ Из интервью с Варварой Фальковой (1907 г.р.), проведенного Надеждой Сычуговой и Ольгой Шаталовой в г.п. Ленино Горьковского р-на Могилёвской обл. в июле 2004 г. в рамках исследований Международной гуманитарной школы ОБТА Варшавского университета.

требить еврейскую нацию, потому что евреи не работали. Они были “купи-продай”»⁴²;

2. религиозными отличиями, позволившими их предкам убить Иисуса Христа: «Немцы, когда евреев убивали, говорили, что это за то, что евреи согрешили, Христа распяли»⁴³;

3. тем, что бедный (с коим отождествляли себя земледельцы) всегда ищет способ отомстить более богатому (в ком часто видели еврея): «Гитлер был из бедной еврейской семьи, поэтому все евреи смеялись над ним. Когда он вырос, он пошел в армию, чтобы отомстить»⁴⁴.

Произошедшая трагедия содействовала смягчению прежнего отношения белорусов к еврейскому народу. В еврее стали видеть того, кого уже нет, но кто продолжает вызывать сочувствие⁴⁵; того, кто принадлежит не к реальному, а к историческому социальному пространству: «Перед войной тут были евреи, один — Шила Годля — мельницу держал, во время войны их убили. Они “мацу” ели — это коржи тоненькие,

а мы уже булки. Евреи — кто как жил: бедно и богато»⁴⁶.

Исследования Научной комиссии по изучению восточных земель, проводившиеся в 1934–1937 гг. на территории Полесья, показали, что при возможности большинство белорусских крестьян изучало бы идиш. Это был прагматичный выбор: еврей неизменно присутствовал в их социальном пространстве, был выгоден и экономически незаменим. И даже в конце XIX — первой трети XX в. он продолжал оставаться полезным, хотя иногда мешающим соседом. Постоянное присутствие в зоне контактов делало еврейское население предсказуемым и безопасным для земледельцев. Оно переставало быть «чужим», но из-за несхожести в традициях и культуре не могло превратиться в «своего». Массовое уничтожение евреев во время Второй мировой войны смягчило их восприятие белорусами, сделав погибших постоянным элементом исторического социального пространства крестьян.

---

⁴² Из интервью с Ульяной Данилевич (1922 г.р.), проведенного А. Смоленчуком и О. Шаталовой в г.п. Мотоль Ивановского р-на Брестской обл. в августе 2004 г.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Из интервью с женщиной (ок. 65 лет), проведенного А. Асадчим, К. Млечко и О. Шаталовой в д. Иказнь Брагского р-на Витебской обл. в августе 2007 г.

⁴⁵ Безусловно, некоторые белорусские крестьяне, выполнявшие функции полицейских и старост, были причастны к уничтожению местных евреев (об этом подробнее: *Dean M. Collaboration in the Holocaust. Crimes of the local police in Belorussia and Ukraine, 1941–44.* New York, 2000).

---

⁴⁶ Из интервью с женщиной (1924 г.р.), проведенного О. Шаталовой в д. Глинице Хойницкого р-на Гомельской обл. в мае 2003 г.